

Назіанзіна (безъ входного листа) и 4) бумажная же рукопись 1687 г., отлично писанная (αἱ περίοδοι τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου — ученика его Прохора). Послѣднія двѣ принадлежали вселенскому патріарху Іереміи III, при чемъ одна изъ нихъ содержитъ автографъ его. (Отч. Отд. Рус. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, за 1902 г. и Приложенія).

В. Сонкинъ.

Засѣданія русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Императорское Археологическое Общество въ С.-Петербурѣ.

28 января 1903 г. академикъ Ѳ. И. Успенскій, директоръ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, сдѣлалъ сообщеніе: «Серальская бібліотека въ Константинополѣ». Референтъ, изложивъ вкратцѣ судьбу названной бібліотеки, извѣстной ученымъ еще въ XVIII в., указалъ на то, что самое зданіе ея относится къ XVII в. и что въ числѣ рукописей, хранившихся тамъ, было нѣсколько принадлежавшихъ венгерскому королю Матвѣю Корвину (умершему въ 1490 году). Затѣмъ докладчикъ остановился на одномъ чрезвычайно важномъ, въ историко-литературномъ отношеніи, памятникѣ, — это кодексъ № 8 въ 568 листовъ, совершенно полный и даже съ доской отъ переплета его; листы же рукописи нѣсколько попорчены. Длина кодекса 42 сант., ширина 30 и толщина 15 сантиметровъ. Минувшимъ лѣтомъ Ѳ. И. Успенскій былъ занятъ изученіемъ этого памятника со всею тщательностью и даже, правда, съ громадными трудностями сфотографировалъ крайне любопытную первую страницу его. Кодексовъ же вообще сходныхъ отчасти съ настоящимъ извѣстно всего лишь 4; изъ нихъ два хранятся въ Ватиканской бібліотекѣ, одинъ въ Смирнской, но всѣ они нѣсколько отличны другъ отъ друга по своему содержанію. Кодексъ, открытый Ѳ. И. Успенскимъ, или октотевкръ заключаетъ въ себѣ толкованія на первыя книги Ветхаго Завѣта. Особенно характеренъ въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что въ него вошли толкованія и такихъ отцовъ церкви, мнѣнія которыхъ признаны были еретическими. Такимъ образомъ кодексъ возстановляетъ давно уничтоженныя и даже совершенно исчезнувшія сочиненія этихъ писателей. Однако, важность этого памятника не исчерпывается только указаннымъ раньше обстоятельствомъ: особенную цѣнность придаютъ ему миниатюры отчасти вполне выполненныя (около 300) и отчасти еще оставшіяся вчернѣ (болѣе 100). Изъ нихъ можно отмѣтить такія, какъ напр.: Птоломей Филадельфъ пишетъ къ кому-то письмо, при чемъ и самый адресатъ находится на лицѣ, хотя и помѣщенъ нѣсколько въ сторонѣ; или вторая миниатюра — приемъ тѣмъ же Птоломеемъ Филадельфомъ 70 толковниковъ. Всѣ эти миниатюры изображаютъ сцены изъ Ветхаго Завѣта, что, по заявленію проф. Покровскаго, еще болѣе увеличиваетъ значеніе кодекса, такъ какъ иконографическіе сюжеты изъ Ветхаго

Завѣта сравнительно очень рѣдки. Различія въ краскахъ и въ способахъ письма, по мнѣнію референта, ясно указываютъ на нѣсколькихъ исполнителей этихъ миниатюръ, быть можетъ, пять или шесть. По предложенію Ѳ. И. Успенскаго въ засѣданіи было постановлено: возбудить ходатайство передъ Правительствомъ о содѣйствіи къ фотографированію этого особенной важности памятника черезъ нашего посла въ Константинополь.

Слѣдующій докладъ, прочитанный проф. Ѳ. А. Брауномъ: «Шведскія руны, касающіяся Россіи и Византіи» имѣетъ своимъ содержаніемъ изученныя имъ минувшимъ лѣтомъ руническія надписи; онѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія жителей Скандинавіи къ Россіи и Византіи въ періодъ XI—XII столѣтій. Однѣ изъ этихъ рунъ писаны языкомъ futhorc, т. е. изъ 24 буквъ, другія же всего изъ 16 буквенныхъ знаковъ, но съ прибавленіемъ къ нимъ особыхъ точекъ для обозначенія недостающихъ звуковъ. Число такихъ надгробныхъ памятниковъ съ надписями въ различныхъ мѣстахъ Скандинавскаго полуострова, приблизительно, около 1500. Особенно любопытнымъ является тотъ фактъ, что 800 изъ нихъ были найдены около озера Меларна, откуда, какъ извѣстно, и ведутъ происхожденіе первыхъ русскихъ князей наши норманнсты. Докладчикомъ были прочитаны и представлены для обозрѣнія собственные фотографическіе снимки нѣкоторыхъ рунъ изъ числа 64, которые упоминаютъ подробнѣе о походахъ на Востокъ (12): въ Гардарикъ, т. е. въ Русь — 4, на Византію — 21 и въ Палестину — 2. Интересно, что надписи главнымъ образомъ относятся къ XI вѣку, одна изъ нихъ къ концу X в. 3 къ половинѣ XII, но надписей отъ второй половины того же вѣка уже вовсе не встрѣчается. Послѣднее отчасти можно пояснить слѣдующимъ обстоятельствомъ: «Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки» утрачиваетъ свое прежнее значеніе. Такъ извѣстно, что знаменитый Гаральдъ въ 1030 году совершаетъ путь въ Византію черезъ Русь и въ 1040 г. возвращается обратно на родину тѣмъ же путемъ. Между тѣмъ отъ 1102 года сохранилось извѣстіе, что знатный новержець Скопти приѣзжаетъ въ Римъ черезъ Гибралтарскій проливъ, равно какъ и рядъ другихъ лицъ. Одна изъ надписей говоритъ между прочимъ о богатствахъ нажитыхъ въ Руси служившимъ тамъ шведомъ. Любопытна также руна о знатномъ шведѣ Ингварѣ (всего о немъ сохранилось 18 надписей), бывшемъ въ Россіи въ XI в., посѣтившемъ затѣмъ Византію и умершемъ въ Африкѣ, о его флотѣ и объ участникахъ похода въ эту страну. (Ср. Нов. Вр. 30 янв. 1903 г. № 9665).

30 января А. А. Васильевъ сообщилъ о результатахъ своей поѣздки на Синай. Референтъ, посѣтившій Синай лѣтомъ (съ апрѣля по іюль мѣсяцъ) 1902 года, изслѣдовалъ хранящіяся тамъ въ монастырѣ св. Екатерины двѣ рукописи исторіи Агапія еп. Манбиджскаго, христіанскаго писателя X вѣка нашей эры. На Синаѣ сохранилась лишь первая часть исторіи его, содержащая историческія, географическія и этнографическія опи-

санія за время отъ сотворенія міра до Вознесенія Господня. Рукопись второй части находится во Флоренціи; повидимому, первая часть есть еще и въ Оксфордѣ и въ Іерусалимѣ. Изслѣдованныя А. А. Васильевымъ и списанныя имъ рукописи имѣютъ, несомнѣнно, очень большое значеніе для исторіи арабской литературы X вѣка, не говоря уже о цѣнности данныхъ, сообщаемыхъ этой рукописью. Названный историкъ Агапіи совершенно забыть въ исторической литературѣ, но у насъ въ Россіи занимался имъ бар. В. Р. Розень. Референтъ сообщилъ свѣдѣнія относительно исторіи вопроса объ Агапіѣ, изложилъ содержаніе этихъ рукописей и высказалъ необходимость изданія этого историка. (Прав. Вѣстн. отъ 1 февр. 1903 г. См. также выше стр. 635).

Императорское Общество Любителей Древней Письменности и Искусства.

1 марта 1902 года Н. К. Никольскій прочелъ докладъ: «Къ вопросу объ источникахъ лѣтописнаго сказанія о св. Владимірѣ». Что касается результатовъ, полученныхъ докладчикомъ при изученіи этого вопроса, то онѣ сводятся къ слѣдующему: Во-первыхъ, лѣтописное сказаніе есть трудъ компилятивный. Въ основу этого труда легли отчасти такіе источники древне-русской заимствованной письменности, которые прямого отношенія ко Владиміру не имѣли вовсе, таковы напр.: «Слово о бытїи всего міра», «Исповѣданіе вѣрь», «Сказаніе о вселенскихъ соборахъ» и т. д.; отчасти же литературныя произведенія, существовавшія еще до лѣтописнаго сказанія, — «Слово о томъ, какъ крестился Владиміръ» и еще такое-то, не дошедшее до насъ житіе, гдѣ разсказывается о грѣховной жизни Владиміра, объ обращеніи его въ христіанство и о его дальнѣйшей христіанской жизни. Во-вторыхъ, такъ называемое, житіе св. Владиміра составилось на основаніи лѣтописнаго свода и «Сказанія о русстѣй грамотѣ». По мнѣнію докладчика, на основаніи этого источника устраняется и самый вопросъ о предполагаемомъ влияніи византійской литературы, такъ какъ въ немъ находятся ясныя объясненія ряду вопросовъ бывшихъ неясными до сего времени. Вопросъ же о составленіи житія Θεодосіемъ-грекомъ можно считать также вполне законченнымъ. Что же касается «Сказанія о грамотѣ русстѣй», то, какъ составленное ранѣе житія св. Владиміра, оно должно быть относимо по времени не позже, какъ къ XIV столѣтію.

Въ этомъ же засѣданіи П. К. Симони сдѣлалъ сообщеніе: «Замѣтки по исторіи и техникѣ переплетнаго дѣла на Руси въ до-петровское время». По сохранившимся до нашего времени рукописнымъ книгамъ, начиная съ XII—XIII вв., референтъ отмѣтилъ исторію развитія въ древней Руси техники переплетнаго дѣла, при чемъ было указано на слѣдующія три влиянія: греко-славянское, польское и западное. Во время чтенія доклада была продемонстрирована громадная коллекція снимковъ съ греческихъ и

русскихъ (сѣверо-западныхъ и южныхъ) переплетовъ, съ обрѣзовъ различныхъ книгъ и даже съ переплетныхъ инструментовъ. Нѣкоторые изъ нихъ самобытнаго характера, иные же западнаго происхожденія, такъ какъ все еще сохранился обычай переплетать книги въ доски и примѣнять старый способъ сшить ихъ. (Отч. о Засѣд. Императорскаго Общ. Люб. Древ. Письм. за 1901—1902 г., стр. 20—21).

22 марта. Докладъ А. И. Соболевскаго: «Изъ исторіи древне-русской переводной литературы XV—XVI вѣковъ». Отмѣтивъ въ своемъ докладѣ, сохранившееся въ списокѣ Синодальной бібліотеки, сочиненіе: «Книга, избранная вкратцѣ о 10 музахъ и о 7 свободныхъ художествахъ», авторомъ которой считается Спаварій, референтъ указалъ, что въ главахъ о свободныхъ художествахъ только вступленіе, написанное прозой, принадлежитъ этому лицу. Что же касается похвалы искусства самому себѣ, то, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, она является заимствованной изъ одного письменнаго источника, который былъ составленъ въ первой половинѣ XVI в., а переведенъ (или точнѣе передѣланъ) на русскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка (тамъ же, стр. 22).

Общество классической филологіи и педагогикѣ.

6 марта 1902 года. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ сообщеніе о катакомбѣ Мегаретъ-Абу-Схейлъ въ Пальмирѣ. Докладчикъ, отмѣтивъ неполноту изданныхъ проф. Стржиговскимъ фресокъ этой катакомбы, перешелъ затѣмъ къ детальному описанію какъ самой катакомбы, такъ и ея живописи. Сюжетами названныхъ картинъ служатъ мифологическія сцены и портреты самихъ погребенныхъ. Что-же касается первыхъ, то въ нихъ ясно проглядываетъ идея о неизбежности судьбы. Портреты-же помѣщены на щитахъ (*εἰκόνας ἐνοπλοῦ*, *imagines clipeatae*) и поддерживаются Викторіями. Докладчикъ очень подробно изложилъ значеніе изображеній послѣднихъ у портретовъ и, отмѣтивъ исторію мотивовъ подобнаго рода рисунковъ, перешелъ къ общей характеристикѣ росписи пальмирской катакомбы: роспись въ общемъ обнаруживаетъ со всею ясностью чисто греческое міросозерцаніе, хотя здѣсь и погребены арамейцы. Относительно того, кто были авторами живописи, по мнѣнію докладчика, таковыми надо считать грековъ, воспитанныхъ въ духѣ эллинистической цивилизаціи. Роспись относится, по всѣмъ даннымъ, ко времени около 259 года по Р. X. и представляетъ драгоценный памятникъ для исторіи искусствъ; она даетъ ясное понятіе о той высотѣ, на которой была живопись на Востокѣ еще въ III в. по Р. X. Въ основу-же новаго христіанскаго искусства, которое, такъ сказать, лишь формируется въ это время, легло отнюдь не искусство Рима, а эллинистическаго Востока (Изв. Импер. Археолог. Коммисіи. Прибавленіе къ 3-му вып. стр. 10,2).

Философское Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ
Университетѣ.

23 октября. Въ общемъ годовомъ засѣданіи Общества *Θ. Ф. Зѣлинскій* произнесъ рѣчь: «Раннее христіанство и римская философія», указавъ на то, что одно и то же сѣмя Христова ученія дало неодинаковые всходы въ Западной и Восточной частяхъ Европы. Если прослѣдить главныя направленія христіанства, то всѣ разновидности его на Востокѣ носятъ характеръ неоплатонизма, на Западѣ — стоицизма. Тогда какъ на Востокѣ едва-ли не исключительно интересуются вопросомъ о самомъ Божествѣ и Его появленіи въ міръ, на Западѣ занимаютъ вопросомъ о путяхъ спасенія человѣка и вѣчномъ блаженствѣ. Что касается причины этого различія, то, несомнѣнно, ее надо искать въ различіи философіи Востока и Запада, такъ какъ философское мышленіе первыхъ вѣковъ христіанства было естественнымъ продолженіемъ философіи, греческой и римской, которыя были несходны между собой (тамъ и здѣсь). Хотя главный представитель римской философіи Цицеронъ былъ лишь послѣдователемъ воззрѣній греческихъ философовъ, тѣмъ не менѣе его философія оказала наибольшее вліяніе изъ всѣхъ, съ которыми пришлось столкнуться христіанству. По мнѣнію нашего ученаго — *Θ. Ф. Зѣлинскаго*, философскія воззрѣнія Цицерона можно охарактеризовать со слѣдующихъ 3-хъ сторонъ: будучи отрицательна по отношенію ко всему чудесному, философія его въ то-же время вполне опредѣленна и положительна въ области морали, и скептически относится ко всѣмъ явленіямъ непознаваемаго міра. Что-же касается услѣха философіи Цицерона въ раннемъ христіанствѣ съ ея отрицательнымъ отношеніемъ къ чудесамъ, то этотъ фактъ вполне поддается объясненію, если припомнить слѣдующія обстоятельства: Цицеронъ говоритъ о чудесахъ въ язычествѣ, и потому христіанство первыхъ вѣковъ удачно пользовалось всѣми его возраженіями для борьбы съ язычествомъ, и только впоследствии отказалось отъ нея, такъ какъ поняло всю опасность выводовъ ея для себя. Положительная-же философія, т. е. этическія ученія Цицерона занимаютъ совершенно иное положеніе; такія лица, какъ Амвросій и Лактанцій, всецѣло находятся подъ ея вліяніемъ, не сознавая, очевидно, ся внутренняго противорѣчія съ христіанскимъ духомъ. Когда-же эта несомвѣстимость была ясно понята, то въ христіанской средѣ Запада происходитъ расколъ: Августинъ и его послѣдователи отрѣшаются совершенно отъ цицероновской этики, тогда какъ Пелагій принимаетъ ее въ полномъ объемѣ. Хотя воззрѣнія Пелагія и были осуждены на вселенскомъ соборѣ, тѣмъ не менѣе значительные слѣды ихъ, въ видѣ такъ называемаго полу-пелагіанства, сохранились даже до сего времени. Самая-же сущность различій между ученіемъ Августина и Пелагія опредѣляется слѣдующими положеніями: 1) Основная мысль Цицерона о томъ, что всѣ человѣческія добродѣтели есть ни

что иное, какъ естественное и даже необходимое развитіе природныхъ его стремленій, дополняется слѣдующимъ новымъ тезисомъ Пелагія: природа есть само добро, Божество же есть сама природа, а отсюда прямой выводъ догмата о благодати. Возраженія-же Августина сводятся ко взгляду, что если природа есть Богъ, то въ силу этого она не можетъ быть осквернена первоначальнымъ зломъ, а потому и благодать невозможна. 2) Такъ какъ разумъ, основной принципъ римской философіи, есть проявленіе природы въ человѣкѣ, то отсюда Пелагій выводитъ заключеніе о томъ, что первымъ плодомъ благодати Творца и есть разумъ. Все-же ученіе Августина направляется, какъ извѣстно, именно къ отрицанію этого воззрѣнія и призванія первенствующаго значенія воли. 3) Но если по мысли Цицерона, а слѣдовательно и Пелагія, разумъ безъ свободы воли не можетъ вести къ нравственному совершенству, Августинъ и его послѣдователи утверждаютъ, что свобода воли существовала лишь до грѣхонаденія и что для исполненія всякаго добраго дѣла нужна помощь благодати Божіей. 4) Признавая всѣ добродѣтели неотъемлемой собственностью человѣческой природы, Пелагій допускаетъ, что для спасенія человѣка нужна благодать, но она дается лишь по заслугамъ, которыя обуславливаются все той-же свободой воли. Ученіе-же Августина говоритъ, что благодать ниспосылается даромъ и всѣ заслуги святыхъ исходятъ отъ нея. 5) Если Цицеронъ различаетъ въ понятіи добродѣтели двѣ стороны: настроеніе и дѣяніе, отдавая преимущество послѣднему, и если Пелагій въ данномъ случаѣ, отступая отъ своего источника, придаетъ большее значеніе ея субъективной сторонѣ, то Августинъ присоединяетъ еще новый элементъ и новое опредѣленіе сверхъ-субъективности, называя его богоотносимостью, и наконецъ 6) Августинъ видитъ въ спасеніи и загробной жизни всю цѣль человѣчества, тогда какъ Пелагій видитъ ее въ самодовлѣющей добродѣтели, ставя на второе мѣсто значеніе загробной жизни. Несомнѣнное родство всѣхъ этихъ тезисовъ можно, собственно говоря, свести къ одной антитезѣ: природа человѣческая есть вѣчто великое и достойное—*magnitudo animi* (говоритъ античный міръ Грековъ и Римлянъ и съ нимъ Цицеронъ); природа человѣка ничтожна и низка, таково воззрѣніе Августина и его послѣдователей, и потому христіанство характеризуется полнымъ смиреніемъ и покорностью. (Нов. Вр. 23 окт. 1902 г.).

Императорское Московское Археологическое Общество.

11 января. Гр. П. С. Уварова сдѣлала сообщеніе: «Незданные предметы тифлискаго музея и вообще древніе рукомонъ въ формѣ звѣрей, птицъ и пр.». Докладчица познакомила присутствующихъ съ богатымъ матеріаломъ, касающимся археологіи закавказскаго края, и указала, что звѣринныя формы какъ для рукомоевъ, такъ и для дорогихъ сосудовъ:

кубковъ, кувшиновъ и пр., составляютъ излюбленную форму на Западѣ и у насъ въ Древней Руси.

12 января. Въ засѣданіи Славянской Комиссіи А. И. Яцимирскій прочелъ докладъ: «Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи Румынъ». Исслѣдованія румынскихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ выводу о прямомъ происхожденіи ихъ народности отъ римскихъ поселенцевъ; отсюда будто-бы и самое названіе ихъ и цѣлая треть латинскихъ словъ въ языкѣ. Западно-европейскіе ученые видятъ въ нихъ аггломератъ народностей, неизвѣстный даже по своему составу, но подвергшійся тѣмъ или инымъ путемъ сильной романизации. Славянскіе-же изслѣдователи усматриваютъ въ румынахъ остатки или присутствіе отчасти славянскаго, отчасти скифскаго элемента. Извѣстно, что языкъ этого народа представляетъ собой своего рода мозаику различныхъ словъ и корней, причемъ большая часть ихъ послѣ латинскихъ приходится на славянскій языкъ. По отзыву референта приходится согласиться, что ни этнографическія данныя, ни лингвистическія, ни даже антропологическія до сихъ поръ не могутъ дать неопровержимыхъ и прямыхъ доказательствъ о происхожденіи румынской народности. Быть можетъ, поэтому и самъ референтъ не рѣшился высказать своего заключенія по данному вопросу, чѣмъ и вызвалъ нѣкоторыя пренія среди присутствующихъ. Нѣкоторыми лицами отмѣченъ былъ совершенно ошибочный взглядъ на римскихъ колонистовъ, какъ на создателей этой народности и ея языка: это вовсе не были исключительно италійцы, а сбродъ пролетаріата изъ всѣхъ провинцій имперіи, и къ тому-же римское господство здѣсь продолжалось всего лишь 40 лѣтъ, послѣ чего культурное вліяніе падаетъ. Нѣсколько болѣе вѣроятнымъ можно считать предположеніе видѣть въ румынахъ остатки, жившихъ съ давняго времени на Балканскомъ полуостровѣ, кельтовъ. Великое переселеніе народовъ вытѣснило ихъ изъ центральной мѣстности полуострова далѣе на сѣверъ,—на лѣвый берегъ Дуная, и здѣсь то, подъ защитой мало доступныхъ гористыхъ мѣстностей, сохранили они остатки римскаго вліянія, но при этомъ усвоили отъ сосѣднихъ славянскихъ культурныхъ народовъ большую часть ихъ культуры.

30 марта. Д. И. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что слова «Саназ Омортаг» въ надписи, найденной на колоннѣ въ Тырноувѣ и изданной съ комментаріями академикомъ Ѳ. И. Успенскимъ въ 1-мъ вып. VII тома «Извѣстій Константинопольскаго Археологическаго Института», значить «князь» а не «ханъ». Это сообщеніе вызвало рядъ замѣчаній со стороны Р. Ѳ. Брандта, А. И. Кирилчникова и др. (Извѣст. Археол. Коммис. Прилож. къ вып. 3-ему, стр. 24—25).

Императорское Одесское Общество исторіи и древностей.

26 апрѣля 1902 г. Сообщенія Э. Р. фонъ-Штерна: 1) Описаніе Ай-тодорской коллекціи древностей Е. И. В. Великаго князя Александра Ми-

хайловича. 2) Краткое описаніе древностей, найденныхъ при впаденіи р. Брязки въ Ингуль и пожертвованныхъ въ музей Общества І. А. Агой.

30 мая. В. В. Латышевъ прочелъ докладъ: «О греческихъ надписяхъ, найденныхъ въ послѣднее время на югѣ Россіи».

Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

25 ноября 1901 г. Н. И. Петровъ сообщилъ о недавней археологической находкѣ, хранящейся теперь въ коллекціи Б. И. Ханенка, — «О княжеской діадемѣ и бармахъ». Краткія свѣдѣнія о томъ и другомъ напечатаны въ трудѣ Н. О. Бѣляшевскаго: «Археологическая лѣтопись Южной Россіи», октябрь 1901 года; здѣсь-же помѣщена раскрашенная фототипія діадемы, состоящей изъ 7-ми большихъ пластинокъ и 2-хъ конечныхъ меньшихъ. На средней пластинкѣ имѣется изображеніе Александра Македонскаго, поднимаемаго на небо двумя грифонами, а остальные пластинки украшены только орнаментомъ. Что-же касается бармъ, то отъ нихъ сохранились всего лишь 4 медальона овальной формы, украшенныхъ перегородчатой эмалью. На среднемъ изъ нихъ (нѣсколько большемъ другихъ) изображенъ Спаситель; по сторонамъ же этого медальона имѣются изображенія Богородицы, Предтечи (такъ называемый Деисусъ) и одного Архангела, тогда какъ медальона съ другимъ Архангеломъ не сохранилось. Что касается времени, къ которому относятся названные предметы, то приблизительное указаніе можно видѣть въ двухъ византійскихъ золотыхъ монетахъ XII в., найденныхъ вмѣстѣ съ ними. На одной изъ этихъ монетъ видна діадема на челѣ императора, обозначенная семью точками, а бармы на груди—пятью; на шеѣ императора виситъ гривна. Отъ краевъ діадемы къ плечамъ спускаются длинныя подвѣски въ видѣ бусъ; эти подвѣски сохранились и въ найденномъ кладѣ, но невѣрно опредѣлены г. Бѣляшевскимъ, который видѣлъ въ нихъ: во-1-хъ) «золотую» шейную повязку изъ 50 штампованныхъ полуцилиндриковъ, раздѣляющуюся при этомъ на двѣ части, по 25 такихъ полуцилиндриковъ, и во-2-хъ) такъ названную у него «золотую цѣпь» изъ 20 звеньевъ, также изъ двухъ частей, по 10 звеньевъ въ каждой (см. описаніе г. Бѣляшевскаго №№ 11 и 12). Такія лицевыя діадемы и бармы, по мнѣнію референта, появляются въ Византіи, судя по монетнымъ изображеніямъ, лишь по возстановленіи иконопочитанія; да и у насъ, на Руси, онѣ были въ употребленіи у князей въ до-татарское время, почти въ томъ-же видѣ. Нѣкоторыя дополненія къ этому сообщенію были сдѣланы А. А. Дмитріевскимъ.

16 декабря. Ю. А. Кулаковскій прочелъ рефератъ: «О дѣленіи Византійской имперіи на семь». Докладчикъ остановился прежде всего на выясненіи самой исторіи возникновенія и понятія слова τὸ ἑβέλ у византійцевъ, предварительно указавъ на особый интересъ за послѣднее время среди византологовъ къ этому вопросу. Изученіе имѣющагося ма-

теріала раскрываетъ тотъ фактъ, что терминологическое значеніе этого слова — конный военный отрядъ — болѣе древняго происхожденія, чѣмъ другое понятіе его, какъ «область, правленіе». Однако, писатели IX и X вѣковъ употребляютъ это выраженіе, придавая ему безразлично то одно, то другое значеніе. Исторія самаго слова приводитъ къ выводу, что дѣленіе имперіи на оемы, въ смыслѣ областного дѣленія, является результатомъ территориальнаго дѣленія войска. Референтъ указалъ затѣмъ на трудъ французскаго ученаго Дили (Diehl), въ которомъ онъ спеціально занимается вопросомъ о происхожденіи такого областного строя и останавливаетъ свое вниманіе на указѣ 687 года, въ которомъ отмѣчено дѣленіе арміи (кромѣ гвардіи) на слѣдующія части: опикіи (obsequium), анатолики, оракіицы, арменіаки, войско Италіи, кораблеіаны (т. е. флотъ), septensiani seu Sardinia и войско Африки. Диль въ своемъ сочиненіи старается доказать то положеніе, что византійскіе стратиги находятся, такъ сказать, въ преемственной связи съ *magistri militum* эпохи Юстиніана, когда продолжался порядокъ, извѣстный намъ изъ *Notitiae dignitatum*. По мнѣнію референта, такое объясненіе «происхожденія оемнаго строя» мало даетъ существеннаго въ данномъ случаѣ, такъ какъ самая армія, во главѣ которой стоялъ *magister militum*, исчезла къ началу еще VII вѣка. Что-же касается стратиговъ византійскихъ, то ихъ военные отряды были исключительно *ополченія* стратіатовъ, обязанныя военной службой за пользованіе земельнымъ надѣломъ. По мнѣнію Ю. А. Кулаковскаго, оемный строй стоитъ въ самой тѣсной связи какъ съ измѣненіемъ самого состава арміи, такъ и съ появленіемъ новаго принципа соединенія военной и гражданской власти въ провинціяхъ. Референтъ остановился затѣмъ на разборѣ сочиненія Гельдера: «Die Genesis der Themenverfassung», который относитъ начало оемнаго строя къ Ираклію и полное его водвореніе къ эпохѣ Льва Исавра. Упомянутый трудъ, по отзыву Ю. А. Кулаковскаго, содержитъ въ себѣ рядъ совершенно ошибочныхъ положеній, такъ какъ авторъ его слишкомъ преувеличиваетъ значеніе арабскихъ источниковъ и оставляетъ безъ вниманія вполне надежный матеріалъ, сообщаемый византійскими авторами отъ X вѣка. Относительно-же статьи Э. И. Успенскаго: «Военное устройство Византійской имперіи» (Изв. Константиноп. Инстит. т. VI, вып. 1, 1900 г.), по отзыву докладчика, нѣкоторыя положенія его противорѣчатъ другъ другу, а нѣкоторыя даже и ошибочны. Въ заключеніе доклада Ю. А. Кулаковскій представилъ сопоставленный имъ матеріалъ для выясненія вопроса о оемномъ строѣ и о оемѣ, какъ ополченіи, изъ источника X вѣка «Тактики» импер. Льва Мудраго и трактата *De velitatione bellica*.

2 февраля 1902 г. Ю. А. Кулаковскій представилъ разборъ «Записокъ готскаго топарха», по поводу изслѣдованія г. Вестберга: «Die Fragmente des Thoparcha Gothicus». Судьба «Записокъ готскаго топарха», какъ извѣстно, была такова. Въ началѣ истекшаго столѣтія эллинистъ Газе нашелъ въ Парижской Національной Библіотекѣ это произведеніе на

страницахъ одного сборника писемъ св. Василя Великаго, Фаларида и Григорія Назіанзина. Текстъ «Записокъ», помѣщенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ рукописи и отнесенный Газе, по характеру письма, ко второй половинѣ X или началу XI столѣтія, состоитъ изъ трехъ отрывковъ. Самые отрывки не представляютъ что-либо цѣлое, не имѣютъ начала и, быть можетъ, конца. Впервые напечаталъ ихъ Газе въ 1818 году съ латинскимъ переводомъ въ примѣчаніяхъ къ своему Боннскому изданію текста Льва Діакона. Содержаніе этихъ отрывковъ очень любопытно. Въ первомъ изъ нихъ сообщается о переправѣ путниковъ по льду черезъ Двѣпръ въ зимнюю снѣжную пору, объ остановкѣ ихъ въ селеніи «Боріонъ»; дальнѣйшій путь ихъ лежалъ по направленію къ «Маврокастрону», причемъ описываются бѣдствія путниковъ отъ жестокой снѣжной метели. Во второмъ и третьемъ отрывкахъ, болѣе связанныхъ между собой по содержанію, рассказывается о войнѣ съ варварами, которые вдругъ стали проявлять крайнюю жестокость къ своимъ подчиненнымъ. Авторъ этихъ «Записокъ» отстраиваетъ разрушенное укрѣпленіе, называемое имъ τῆ Κτήματι, съ цѣлью противодѣйствовать варварамъ. Далѣе сообщается о совѣщаніи топарха съ нѣкоторыми представителями туземнаго населенія, съ помощью которыхъ онъ отразилъ нападенія «варваровъ», и о предложеніи съ его стороны подчиниться «сосѣднему» съ ними и «царствующему на сѣверѣ отъ Истра». По порученію собранія топархъ отправился къ названному властителю, который хорошо принялъ его и, утвердивъ въ его владѣніи на родинѣ, далъ кромѣ того цѣлую «сатрапію» въ своей землѣ. Газе, какъ извѣстно, отмѣтивъ болѣе поздній почеркъ письма этихъ отрывковъ, чѣмъ сама рукопись, искалъ историческаго объясненія сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній въ отношеніяхъ Крыма къ Руси въ X вѣкѣ и, въ частности, въ событіяхъ, относящихся ко времени похода Владиміра Св. на Корсунь. Многие русскіе ученые были заняты разрѣшеніемъ цѣлаго ряда темныхъ вопросовъ содержанія этихъ «Записокъ», причемъ видѣли въ нихъ факты, относящіеся къ русской исторіи X вѣка. Важнымъ затрудненіемъ въ данномъ случаѣ представляется отсутствіе самой рукописи, открытой Газе, которая, несмотря на многократные поиски различныхъ ученыхъ, исчезла и не найдена до сего времени. Нѣтъ никакой возможности ни провѣрить самый текстъ, ни опредѣлить палеографическимъ путемъ хронологію памятниковъ, данной Газе. Два нашихъ извѣстныхъ академика А. А. Куникъ и В. Гр. Васильевскій (первый въ 1874 г., а послѣдній въ 1876 г.) очень подробно остановились на изслѣдованіи «Записокъ готскаго топарха», посвятивъ этому вопросу особые труды свои. Если тотъ и другой ученый согласно пріурочиваютъ названныя событія ко времени Святослава, то В. Гр. Васильевскій видитъ родину автора «Записокъ» на среднемъ Дунаѣ, и потому упоминаемые въ нихъ факты относитъ ко времени завоеванія Святославомъ Болгаріи. Помимо специальной работы г. Бурачкова (Ж. М. Нар. Просв. 1877 г., августъ), изслѣдованія двухъ другихъ уче-

ныхъ, Ѳ. И. Успенскаго (Кіевская Старина, 1889 г.) и П. Н. Милокова (Труды Москов. Археол. Съѣзда 1890 г., т. III), поставили себѣ цѣлью разъяснить ошибочность нѣкоторыхъ выводовъ В. Гр. Васильевскаго. Такъ П. Н. Милоковъ, относя названіе событія, согласно съ мнѣніемъ Ѳ. И. Успенскаго, къ началу X вѣка, разрываетъ связь съ русской исторіей и переноситъ ихъ дѣйствія въ низовья Днѣстра, тогда какъ послѣдній видитъ здѣсь Хазарію. Остановившись затѣмъ на критическомъ разборѣ труда г. Вестберга, референтъ указываетъ на фактъ полной близости его взглядовъ по данному вопросу съ объясненіемъ Куника. Полемизируя съ мнѣніемъ В. Гр. Васильевскаго, авторъ новаго изслѣдованія «Записокъ», во 1) отстаиваетъ—какъ мѣсто дѣйствія—Крымъ и во 2) отмѣчаетъ точное, по его мнѣнію, хронологическое опредѣленіе самаго событія переправы черезъ Днѣпръ (содерж. въ первомъ отрывкѣ) именно январь 963 года. Послѣдняя дата основана на детальномъ астрономическомъ вычисленіи случайно упомянутаго въ текстѣ факта: планета Сатурнъ находилась въ началѣ созвѣздія Водолея. Референтъ, отмѣтивъ эту точность астрономическихъ вычисленій, какъ нѣчто совершенно излишнее и даже произвольное, выяснилъ, что такая хронологія лишь затрудняетъ и даже опровергаетъ самую возможность относить описываемыя событія къ эпохѣ Святослава. Остановившись затѣмъ на топографическихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ г. Вестбергомъ, докладчикъ отмѣтилъ его мнѣніе о переправѣ черезъ Днѣпръ въ области пороговъ и подробно доказалъ, что новый изслѣдователь слѣдуетъ въ данномъ случаѣ совершенно ошибочному заключенію г. Бурачкова. Такъ какъ въ «Запискахъ» говорится объ организованной переправѣ, то въ области пороговъ ея никогда не бывало и даже, по мнѣнію Ю. А. Кулаковскаго, быть не могло; необходимо предположить, что, ввиду зимняго времени и обычныхъ въ эту пору метелей, путники шли постояннымъ хожимъ путемъ. Таковой путь и былъ въ дѣйствительности въ X вѣкѣ между Кіевомъ и Херсономъ, какъ мы знаемъ изъ подробнаго описанія его Константиномъ Порфиророднымъ въ «De admin. impregio», cap. 9. Это и есть Кратская переправа у Константина, въ мѣстности нынѣшняго Кичкаса, лежавшая ниже пороговъ Днѣстра и извѣстная еще со времени ученаго Лерберга. Въ заключеніе референтъ долженъ былъ признать, что данное изслѣдованіе г. Вестберга не выясняетъ по прежнему загадочныхъ по своему содержанію «Записокъ готскаго топарха». (Чтеніе въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, кн. 16, вып. IV, стр. 3—15).

Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ.

19 марта 1902 г. А. В. Рыстенко прочелъ докладъ: «Исторія повѣсти Стефанитъ и Ихнилать въ византійской и славяно-русской литературѣ». Прежде всего референтъ указалъ на тѣ произведенія всеобщей

литературы, которыя имѣютъ извѣстныя отношенія къ разбираемой имъ повѣсти «Стефанитъ и Ихнилать», каковы: Панчатантра, Калила и Димна. и др. Пособіями для обслѣдованія настоящаго вопроса послужили сочиненія Бенфа, Рябишина и ряда другихъ лицъ. Далѣе референтъ сообщилъ о результатахъ личной работы надъ греческими текстами, напечатанными въ книгѣ Puntoni, при чемъ указалъ, что слишкомъ 20 списковъ не вошло случайно въ изданіе его. Докладчикъ, подробно сличивъ греческіе тексты этой повѣсти съ восточными (правда, въ переводахъ), предложилъ вниманію присутствующихъ результаты этого сличенія. Прежде всего возможно указать, что Puntoni вовсе не воспользовался ни древне-сирійскимъ, ни древне-еврейскими текстами, съ которыми часто сблίζεται греческій, но расходится арабскій источникъ, использованный издателемъ. Кромѣ того подробное сличеніе греческихъ текстовъ съ вышеуказанными восточными приводитъ референта къ слѣдующимъ, крайне важнымъ выводамъ: оригиналомъ греческаго текста послужилъ отнюдь не арабскій источникъ, изданный ученымъ де-Саси, а другой болѣе близкій къ первоисточнику и неспорченный. Тексты древне-сирійскій, древне-еврейскій, затѣмъ лучшіе арабскіе, обозначенные M, V и F и Бейрутскій могутъ вполне возстановить подлинный текстъ этого произведенія. Относительно арабскаго текста референтъ указалъ на то обстоятельство, что время греческаго перевода повѣсти (1080 г.) сравнительно не далеко отъ появленія арабскаго источника (750 г. по Р. Хр.). Далѣе докладчикъ отмѣтилъ фактъ отсутствія извѣстнаго «предисловія» въ древне-сирійскомъ текстѣ, а ново-сирійскій содержитъ всего лишь одну главу изъ него (послѣдній источникъ состоитъ изъ разновремененно соединенныхъ частей XIII—XVII вв. и сдѣланъ съ арабскаго текста, при этомъ очень древней и исправной редакціи); однако, въ виду того обстоятельства, что упомянутыя существенныя главы «предисловія» находятся въ книгѣ послѣдней, является вполне естественнымъ вопросъ, существовала ли она въ арабскомъ оригиналѣ ново-сирійскаго текста. Нѣтъ этого «предисловія» и въ славянскихъ текстахъ, которые близки именно къ краткимъ (т. е. безъ предисловія) греческимъ. Необходимы, по мнѣнію референта, самыя тщательныя изслѣдованія какъ ориенталистовъ, такъ и знатоковъ византийско-славянской литературы для того, чтобы пролить хотя бы нѣсколько свѣта на характеръ и подлинность этого «предисловія». Puntoni же положилъ въ основу своего изданія текстъ полной редакціи, гдѣ, по мнѣнію этого ученаго, болѣе правильно и въ бѣльшемъ числѣ сохранились басни и притчи, а равно и «предисловіе», сравнительно съ предполагаемымъ текстомъ перваго греческаго перевода Симеона Сноа (S у Puntoni), а слѣдовательно и съ арабскимъ, съ котораго очевидно Симеонъ перевелъ, заимствуя по возможности все цѣликомъ. Этотъ взглядъ и вызвалъ вышеприведенное возраженіе референта. Затѣмъ А. В. Рыстенко указалъ на результаты своей работы надъ сличеніемъ между собой греческихъ и славянскихъ текстовъ, при чемъ изъ послѣднихъ докладчикъ поль-

звался лишь изданными у Викторова (О. Л. Д. П. № 64 и 78), Булгакова (ib. № 16 и 27) и Данчича (Starine, II). Цѣлью такого изученія параллельныхъ текстовъ, греческихъ и славянскихъ, было желаніе указать хотя бы приблизительно тотъ оригиналъ, съ котораго сдѣланъ переводъ на славянскій языкъ. Результаты этой работы референта таковы: они ясно указали на тотъ фактъ, что славянскій текстъ, отступая отъ основного (у Puntoni — Z¹) греческаго, сходился или со всѣми, приведенными въ вариантахъ у того же издателя, или только съ опредѣленными, при чемъ въ большинствѣ случаевъ таковыми оказывались списки, обозначенные у Puntoni подъ лит. V¹ и Z². Пропущенныя же басни въ славянскомъ текстѣ большею частью не оказывались и въ греческомъ списокѣ лит. Z², и далѣе слово «съписаніе» въ заглавіи славянской рукописи имѣетъ значительное сходство съ «συγγραφή» и т. д. въ томъ же Z². Затѣмъ докладчикъ остановился на рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи славянскихъ текстовъ, указавъ на ошибочность взгляда Викторова, который считалъ списокъ Григоровича (XIII — XIV в.) первоначальнымъ текстомъ, а въ списокѣ (XV) Севастьянова видѣлъ тотъ же, который сохранился у Григоровича, но былъ подвергнутъ новой переработкѣ при помощи греческаго подлинника (Викт. VI). Между тѣмъ А. В. Рыстенко указываетъ, что построчное сличеніе указанныхъ двухъ текстовъ ясно убѣждаетъ всякаго, что текстъ Григоровича едва ли не плохо переписанная копія, при чемъ переписчикъ пропускаетъ и дополняетъ мелкіе союзы, сокращаетъ и передѣлываетъ фразы, мѣняя синонимы и т. п. Ни о какой «переработкѣ» ранняго (Григоров.) текста въ поздній (Севаст.), по мнѣнію референта, и рѣчи быть не можетъ, и, слѣдовательно, конечный выводъ его таковъ: текстъ Григоровича былъ переписанъ съ какого-нибудь текста близкаго къ первооригиналу, отразившемуся въ Севастьяновскомъ. Такъ какъ черты первоначальной редакціи повѣсти, по мнѣнію докладчика, гораздо лучше сохранились въ позднемъ, а не въ раннемъ текстѣ, то встрѣчающіеся въ сербскихъ текстахъ болгаризмы приводятъ къ выводу, что первою по времени литературою, заимствовавшей изъ Византіи повѣсть «Стефанитъ и Ихнилать», была болгарская. Далѣе, тотъ фактъ, что уже въ текстѣ Григоровича (XIII — XIV вв.) встрѣчаются случаи порчи и болгаризмы, заставляетъ референта относить время перваго славянскаго перевода къ XII или началу XIII вв. — время сравнительно близкое къ первому греческому переводу, а именно, ко второй половинѣ или, вѣрнѣе, концу XI в. (1080 г.). Древность же славянскаго перевода находитъ себѣ подтвержденіе во 1-хъ, въ сближеніи со всѣми греческими текстами, и во 2-хъ, въ той букввальности, которая характеризуетъ этотъ текстъ, причемъ встрѣчается даже переводъ съ греческаго языка члена и несвойственные славянскому языку обороты рѣчи. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, особенно трудныхъ, переводчикъ ограничивается перефразировкой оригинала. Упомянутое же выше сходство славянскаго текста съ греческимъ (лит. V¹) указываетъ отчасти и

на оригиналь, съ котораго сдѣланъ переводъ, и на возрастъ перевода: текстъ V¹ даетъ часто болѣе исправное чтеніе, сравнительно съ восточными оригиналами, чѣмъ какой-либо другой текстъ на греческомъ языкѣ. Референтъ указалъ затѣмъ на то, что повѣсть «Стефанитъ и Ихнилатъ», подобно «Калилѣ и Димитѣ», была весьма распространеннымъ и любимымъ литературнымъ произведеніемъ, на что указываетъ чрезвычайное обиліе списковъ ея. Кромѣ того фактъ весьма значительнаго интереса къ настоящему памятнику въ византійской и славянской литературахъ ясно подтверждается тѣмъ, что оба перевода сдѣланы съ оригиналовъ, довольно старыхъ и близкихъ къ первоначальному (греческому съ арабскаго, славянскому съ греческаго). Если же не считать краткую греческую редакцію первоначальной, то самое появленіе этой, такъ сказать, новой въ средѣ греческихъ текстовъ, редакціи по времени славянскаго перевода (XII или нач. XIII в.) служитъ лучшимъ указаніемъ на то, что потребность со времени перваго греческаго перевода (конецъ XI в.) до XII или нач. XIII в. въ переработкѣ его была вызвана живымъ интересомъ читающихъ лицъ къ настоящему произведенію въ греческой литературѣ. Итакъ суммируя общіе выводы докладчика, на основаніи его работы, можно охарактеризовать ихъ такъ: 1) оригиналь греческаго перевода—очень древняя и исправная арабская рукопись; 2) славянскій переводъ, сдѣланный въ Болгаріи въ XII или въ началѣ XIII в., исполненъ по списку краткой греческой редакціи; 3) оригиналь славянскаго перевода съ одной стороны былъ близокъ къ всѣмъ греческимъ спискамъ (у Runtou), съ другой — преимущественно къ V¹ и Z¹, а отчасти и къ оригиналу древне-итальянскаго перевода; 4) славянскій переводъ былъ одинъ, причемъ лучше и ближе къ первому сохранился текстъ въ списокѣ Севастьянова (позднемъ), а не въ списокѣ болѣе раннемъ — Григоровича; 5) не Севастьяновскій текстъ передѣланъ изъ послѣдняго, а наоборотъ; при этомъ «передѣлку» или «переработку» надо понимать въ томъ смыслѣ, что текстъ Григоровича есть всего лишь плохо переписанная копія съ Севастьянова; 6) переводчикъ старался переводить буквально, а гдѣ невозможно было, перефразировывалъ оригиналь, а потому въ славянскомъ переводѣ есть ошибки и даже нелѣпости, и 7) какъ греческій, такъ и славянскій «Стефанитъ и Ихнилатъ» принадлежали къ весьма распространеннымъ и любимымъ литературнымъ произведеніямъ. (Прот. Засѣд. Ист.-Фил. Общ. при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, отдѣльный оттискъ, стр. 1 — 4).

Это сообщеніе вызвало рядъ обсужденій со стороны В. М. Истрина, А. И. Маркевича и Б. М. Ляпунова.

В. Сонкинъ.

Засѣданія иностранныхъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Académie des Inscriptions et Belles Lettres.

3 января 1902 года. М. Sagnat прочелъ отъ имени профессора Университета въ Бордо—Jullien'a его замѣтку, гдѣ тотъ старается доказать,